

biblijskih čitanja koja se u misalu nalaze (*Elenco dei passi biblici contenuti nel messale, 559-574*), te skraćenice (*Le abbreviazioni e le sigle usate, 575-577*).

Tek će pažljiva čitanja donijeti pravedne ocjene opsežnoga i zahtjevnoga posla, ali se i nakon prvoga može reći da će objavljivanjem ovoga teksta na dobitku biti i istraživači hrvatske liturgijske tradicije i filolozi, posebice povjesničari hrvatskoga jezika. Tako opsežan misalski tekst izvanredno će pomoći u rekonstruiranju procesa izgradnje hrvatskoga književnoga jezika, posebice liturgijskoga stila.

Izdanje je ozbiljan doprinos hrvatskoj i slavenskoj filologiji i napose povijesti hrvatskih liturgijskih kodeksa te služi na čast nakladniku Vatikanskej apostolskoj knjižnici (BAV), autorima, talijanskim slavistima C. Giannelliju i S. Graciottiju, ali i Hrvatskoj akademiji znanosti i umjetnosti koja je pomogla da ovo izdanje ugleda svijetlo dana.

Dodajmo na kraju da se u transkribiranom tekstu misala pojavila greška: naime, na mjestima, gdje bi trebao biti znak križa (+) pojavio se znak za paragraf (§). Takva greška, naravno, nije dobrodošla u uglednom izdanju, ali za filologe i njihov posao ona nema veliko značenje.

Stjepan Damjanović

Kako pisati literarno zgodovino danes? Razprave, ред.: Darko Dolinar, Marko Juvan, Ljubljana, ZRC SAZU 2003, 394 стр.

После международной научной конференции *Историзм в изучении словенского языка, литературы и культуры**, состоявшейся в 1999 г., симпозиум *Как сегодня писать историю литературы?* является вторым научным проектом в Словении, посвященным современному статусу исторического изучения литературы и культуры. Симпозиум проходил осенью 2002 г. в Любляне под эгидой Института словенской литературы и литературоведения Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств в сотрудничестве со Словенским компаративистским обществом. На вопрос, вынесенный в заглавие симпозиума, отвечали словенские литературоведы и их коллеги из Чехии, Австрии, Италии, Словакии, Польши и Хорватии. Общая проблема, однако, нуждается в предварительной постановке вопроса, почему именно „сегод-

* *Historizem v raziskovanju slovenskega jezika, literature in kulture*, ред. Aleksandra Derganc, Ljubljana, Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti, Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik 2002, 706 стр.

няшня” ситуация заставляет нас задаться вопросом о перспективах и вообще о возможностях самого существования истории литературы. Участники симпозиума, предлагая различные переформулировки заглавия, развивали исходную тему, некоторые из них – наряду с редакторами и соавторами сборника Д. Долинаром и М. Юваном – выдвинули проблему определения современного положения гуманитарных наук. Докладчики предложили вполне единодушную трактовку современного состояния гуманитарных наук в свете постмодернистского поворота от сциентистского синхронизма к плюралистическому, „мягкому” диахронизму, т.е. в свете размывания внутренне закрытого знака, языка и коммуникации в процессе откладывания значения в интертекстуальной циркуляции скользящих означающих, находящихся между дискурсами и горизонтами ожидания расщепленного субъекта. (На метафорическо-терминологическом уровне на смену научной парадигмы указывает и переход от Эвклида, Ньютона, Гутенберга и вневременных сосюрговских „листа бумаги”, „сети”, „круга” к Эйнштейну, „следу”, „цепи”, „ризоме”, „лабиринту”, „горизонту” и подобным дадаистским неологизмам.) Если учитывать критику гуссерлианского и сосюрговского эпистемологического редукционизма, которая, с одной стороны, реабилитировала анализ высказывания в контексте хронотопа субъекта, а с другой деконструировала оппозиции „литература – металитература” и „история – историография”, то выбор такой концепции научной конференции кажется вполне понятным. И как подчеркивает во вступительной статье Д. Долинар, развитию исторического мышления в Словении способствовал и процесс формирования национального самосознания в условиях недавно приобретенной независимости.

Хотя заглавие сборника указывает на постмодернистский тупик возвращения к не концептуализированному до сих пор пониманию истории („другости”), сборник в целом имплицитно представляет один из возможных выходов из положения: обсуждение научной проблемы разрешается не в монографии одного автора, а в рамках конференции, объединяющей специалистов в разных, взаимодополняющих областях науки. Отдельные доклады освобождают от любой зависимости „строгую” структуру сборника, не деконструируют ее в апоретическую ризому, а, наоборот, подходят к общим истокам проблемы со схожих точек зрения (на что указывает и Д. Долинар). Как введение к сборнику, так и сами доклады весьма убедительно показывают, что на декларативном уровне историю литературы сегодня можно писать независимо от того, начинаем ли мы „день” с постструктурализма, „нового историзма”, рецептивной эстетики или, скажем, конструктивистского литературоведения.

Трактовка литературы, истории и литературоведения как знаков или следов человеческого существования во времени и пространстве объединяет как эти условно перечисленные течения, так и авторов. Упомянутая трактовка присуща не только таким мыслителям, какими являются М.М. Бахтин, М. Хайдеггер и поздний Э. Гуссерль (*Lebenswelt*), но и (частично) „ночному“ Ф. де Соссюру (*Анаграммы*) и русским формалистам в их последней методологической фазе. Теоретики, без которых нам пришлось бы ждать „сегодняшнего“ дня еще несколько дней, свидетельствуют о том, что, подвергая критике свой собственный сциентизм или сциентизм „хорошего врага“ (П.Н. Медведев, М.М. Бахтин), наше „сегодня“ началось не в яуссовском и не в дерридианском 1967 году. Как *topos* это сегодня „всегда“ было присутствующей периферией, которая после феноменологического и формально-структуралистского антиисторизма с нетронутой аристотелевской свежестью духа переместилась в центр современного познавательного поля. На периодическую смену синхронических и диахронических подходов в литературоведении с конца XIX-ого века по настоящее время во вступительной статье и в своем докладе указывает Д. Долинар.

Среди докладчиков, таким образом, сложилось более или менее единое мнение о структурной, функциональной и онтологической взаимозависимости литературного и историко-литературного рядов как в эпоху романтизма, когда они оба в области немецкой классической философии сформировали нацию как коллективный индивидуум, так и в постмодернистском повороте от национальной идеологии к (истории) „другости“, вытесненной метарассказами Нового времени. Подобная трактовка позволила докладчикам обсуждать и дискурс самой историко-литературной науки при помощи методов анализа литературного текста. Для Д. Долинара такой метод – рецептивная эстетика, для В. Бити – теория речевых актов, концепция альтюссеровской интерпелляции и бодрийаровского симулякра, а для Л. Краля – поэтика Аристотеля и археология знания М. Фуко. М. Юван определяет синтетическую историко-литературную монографию как „великий жанр“, который посредством канонизации и тотализации литературных текстов моделирует прошлое и самосознание коллектива. Обсуждая этот метажанр, М. Митрович заимствует у В.Б. Шкловского толстовскую „энергию заблуждения“, А. Корон применяет нарратологический анализ к двум реализациям „великого жанра“: к историям словенской литературы А. Слодьяка и Ф. Кидрича. М. Дович легитимирует структурные и функциональные сходства между литературным и литературоведческим дискурсами с помощью радикального конструктивистского системного подхода Зигфрида Й. Шмидта (*Empirische Literaturwis-*

senschaft); Й. Шкуль ищет начало постмодернистской деконструкции истории и историографии в модернистском полифоническом восстановлении недискретной действительности, а Е. Кернев Штрейн то же начало ищет еще глубже, в романтической поэтике фрагмента. Не столько со строго теоретической, сколько с личной точки зрения С. Боровник нивелирует иерархию между историческим существованием литературы и историко-литературной наукой и как соавтор сборника *Словенская литература 3 (Slovenska književnost 3)* ссылается на понятие *licentia poetica*.

Ввиду подобных рассуждений о взаимосвязи литературного и историко-литературного дискурсов, а также ввиду сходства между современной ситуацией и, например, ситуацией, сложившейся после формалистской критики вульгарного психологического биографизма (это сходство отмечает и И. Верч), актуальную для нас проблематику, „как быть писателем” (Б.М. Эйхенбаум), можно расширить: „как быть литературоведом”. Неудивительно поэтому, что многие докладчики приближаются, учитывая, разумеется, опыт деконструктивизма, современной герменевтики, радикального конструктивизма или модернизованных традиционных философских и научных течений, к концепции литературного быта.

Эта теоретическо-методологическая разнообразность способствует значительному расширению исходной проблемы и тем самым достижению реальной цели симпозиума. Плюрализм отражается, наконец, и в разделении докладов на размышления о синтактике, семантике и прагматике истории литературы, о эпистемологическом статусе современных методов ее изучения и о новых или модернизованных подходах и предметах ее исследования.

Редакторское распределение можно дополнить разделением исследований с точки зрения ограничений и/или перспектив постмодернистской (постнациональной, колониальной, фаллоцентрической) истории литературы, учитывая, однако, предупреждение автора введения о том, что любое разделение взаимодополняющих исследований может быть лишь условным. После раздробления традиционных объяснительных метаповествований, М. Юван видит новые возможности „великого жанра” истории литературы в рамках гипертекста (на потенциал электронного представления историко-литературного процесса указывает также А. Корон); В. Бити и Л. Краль – в гипертексте изоморфной, ризоматически дополняющейся энциклопедии. Вместо идеологизованной истории литературы, П. Зайац и Е. Кернев Штрейн предлагают полицентрический архив семиосферы культурной памяти, П. Зима определение литературного периода как открытой системы разнообразных дискурсов, в то время как М. Митрович подчеркивает педагогическую роль ли-

тературоведения. Необходимость легитимации постмодернистской истории литературы путем парадоксального обнажения собственных литературных приемов подчеркивают М. Дович, Л. Краль и В. Бити.

С целью избежания „наивного” редукционизма, помимо призывов к междисциплинарности, к методологическому плюрализму и к непрерывному дополнению историко-литературной „истории” новыми героями и фокализаторами (в том числе и героинями, как подчеркивают С. Боровник и Е. Кернев Штрейн), в сборнике представлены и более умеренные центристские предложения. Так, например, Я. Кос преодолевает современный агностицизм и методологический эклектизм с помощью плюрализованного метода истории духа (*Geistesgeschichte*), И. Верч с той же целью обращается к историческому исследованию знаковой хронотопичной саморефлексии субъекта в духе семиотики и бахтинской теории высказывания, М. Дович к радикальной конструктивистской концептуализации процесса самоорганизации литературы в контексте соседних общественных систем, а А. Корон остается верной принципу повествовательности как лучшему средству самоосмысления человека. На опасность перформативного симулирования прошлого, угрожающей не только традиционной нарративной, но и современной энциклопедической истории литературы указывает В. Бити. На фоне всеобщей релятивизации традиции в современных литературе и теории, Б. Токаж предлагает переосмысление литературности посредством когнитивистской категоризации реальности, а И. Поспишил – посредством синтеза литературоведения и социологии в т.н. *area studies*. По мнению М. Ювана, постмодернистский поворот к истории заставляет великий историко-литературный жанр пересмотреть собственную дефиницию литературности с исторической точки зрения. М. Зеленка выступает за реабилитацию генезиса в постструктуралистской генетической критике (*critique génétique*), анализирующей процесс перехода значения по цепи пред- и после-текстов. Й. Штруц от имени полиглотизма территорий (понимаемого социо- и металингвистически) расширяет замысел национальной филологии в сторону компаративистики и „культурных исследований”. Тенденции, близкие „новому историзму”, критически представлены В. Папоушеком.

Анализируя перспективность вышеупомянутых новейших диахронических методов, исследователи в первую очередь выделяют в освещении центральной проблемы два вопроса: что сегодня подразумевается под предметом истории литературы и какие научно-философские течения оказали влияние на современный статус научной дисциплины. Эти два направления следует считать comple-

ментарными, так как, например, ссылка генетической критики на постструктурализм является не просто следствием, а в определенной степени источником ее понимания литературы.

Наконец, следует вспомнить еще об истории „сегодняшнего” понимания исторического изучения литературы: постмодернизм, „повествуя” о повествовательном модусе научной дисциплины, не только четко отходит от традиции „наивных” великих историй, но в то же время парадоксально – и так же характерно – приближается к горизонту, имплицитно воплотившему ту же самую „повесть” в самом слове *historia*. В этом убеждают нас как этимологические анализы Й. Шкуль и М. Ювана, так и размышления И. Верча о процессе формирования самосознания субъекта – автора высказывания – на пути от дорефлексивного, мифического переживания языка как действительности к эстетикам тождества и противопоставления (Лотман) и, наконец, к постмодернистскому узнаванию действительности как языка.

Jernej Habjan

A.M. Barker, J.M. Gheith (eds.), *A History of Women's Writing in Russia*, Cambridge, Cambridge University Press, 2002, pp. 391.

Quite illuminating on the state of critical thinking on Russian literature from a gendered perspective, this collection of essays is guided by the idea of heterogeneity of methodological approaches as a fruitful and challenging condition. As stated in the introduction by the editors, it was “deliberately avoided trying to reconcile contradictions between contributors, preferring instead to assemble a history that is open ended”. This notwithstanding, focus is frequently placed in the various chapters covering the study of Russian literature from its beginnings to our days, on a number of recurrent issues: the importance of autobiographical writings and the models of self-representation, re-examination of common assumptions about periodization and literary evolution, reflections on the place women occupied within a tradition long dominated by men, a strong attention devoted to the image of the female body. Accepting or not the idea of women's writing as a separate tradition, we are certainly invited by these essays “to rethink and remeasure Russia's literary tradition, allowing to see it with different eyes”.

Rosalind Mckenzie's contribution, *Women's image in Russian medieval literature*, opens the series of articles. Given the lack of pre-eighteenth century works of literature written by women, she focuses on the portrayal of the female image and identity, detecting a number of